

показаться с первого раза: в каждом из них есть всегда какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указывать в чем именно: это тонко, как паутина» (стр. 81).

Трудно в нескольких словах изложить содержание этой переписки, не имеющей определенного стержня и касающейся самых разных вопросов и тем. К интереснейшим местам относятся те, в которых поднимается вопрос о различии общественного положения того и другого корреспондента. «Вы,—пишет Надсон,— графиня, аристократка, и проч. и проч., а я — плебей; неужели же мне льстит идея именно поэтому дорожить нашими письменными отношениями? Как знать? Человеческая натура — вещь сложная; Бог ведь какие мелкие чувства шевелятся иногда против воли в нашей душе» (стр. 76). Надсон защищает класс «косматых» литераторов и юношей, окружающих их; графиня Лида говорит о достоинствах высшей аристократии, к которой Надсон относится более, чем равнодушно. В ответ на сведения о ряде великосветских особ поэт холодно и раздражительно отвечает: «Мое ухо более привыкло к именам Островского, Салтыкова, Тургенева и пр., и пр.», (стр. 78).

В общем переписка дает не мало материала для биографии и характеристики личности Надсона. В этом, разумеется, ее основная ценность. Нельзя, однако, не отметить и того, что сама по себе она представляет небезынтересный роман в письмах. Лишенный внешней фабулы, он богат, однако, психологическими перипетиями, дающими ему поступательное движение. Естественная развязка — смерть поэта — и маленький эпилог: отрывки из писем графини Лиды по поводу смерти поэта сообщают ему художественную законченность.

Д. Выгодский.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Поэты и поэтессы. К-во «Северные дни». М. 1922. 2000 экз. Стр. 96.

И терпентин на что-нибудь полезен... Айхенвальд существует для того, чтобы людям окончательно необразованным и глупым простоудушно докладывать, что вот-де он читал такую-то и такую-то книжку и — разрешите я вам доложу, что

вы, ходячая посредственность и голова, с трудом ориентирующаяся в четырех правилах арифметики, можете в этой, как говорят понимающие люди, умной книжке понять. И докладывает, вежливо-велью так, сладенько: толпы баранов слушают его. Однако нам чистый расчет, чтобы и баран чему-нибудь учился, — наверное он от книжки Айхенвальда уходит с чувством некоторого небесного просветления и чистой благодати, излившейся на его почтенное руно. Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: «Скончался Блок — на лире современной поэзии оборвалась одна из ее певучих и драгоценных струн... Пытаясь сказать неслезанное, он тклет паутинные сплетения лирики... очень трогательны, например, его стихи о маме... радость и страдание могут сочетаться воедино... присущее его поэзии легкое дыхание... и кажется, что обители лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно». Гумилев: «Он в самом деле акмеист... романтик, борющийся за голубую лилию... принадлежит ему вся красота консерватизма... наш утонченный воин, наш холерный боец... он аристократ и гордый носитель самоуважения... Ахматова: «явила образ женской души... так задушевные и проникновенные ее интонации... это пленительно». Еще глава, но та совсем уж о М. Шагинян. Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову. Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем.

С. Бобров.

Н. К. ПИКСАНОВ. Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции. Гос. Изд. Москва 1922 г.

Вопрос о литературных влияниях принадлежит к числу вопросов, наименее ясных и разработанных в науке. Иногда самая законность постановки вопроса о влиянии одного автора на другого может возбудить сомнения. Ведь художе-